

ВСТРЕЧИ

Анатолий Папанов,
народный артист СССР:

ЖДУ,

НАДЕЮСЬ, ВЕРЮ

В Театре сатиры в тот вечер давали «Вишневый сад», где народный артист СССР Анатолий Папанов играет Гаева. Ни на миг не теряя нити беседы, Анатолий Дмитриевич и внимательно следил в зеркало за работой гримера, и успевал пошутить и всматривался в собственное лицо, словно «примеряя» растерянную гаевскую улыбку...

Внезапно повернулся, сказал, будто и сам удивляясь:

— До сих пор, представляете, волнуясь. А ведь сто лет уже на сцене.

— В кино вы, положим, раньше пришли...

— Не пришел, а приплыл. — Анатолий Дмитриевич рассмеялся — и, кажется, еще меньше стала крохотная гримуборная. — Да нет, я не шучу, я вполне серьезно. Жили мы в Малых Кочках — где улица Доватора сейчас. Москва-река под боком была. Так вот однажды я вошел в реку и, высоко держа в руке штаны, поплыл на противоположный берег. А там снимали кино! Выбравшись, я предъявил ассистенту справку, в которой было написано, что моя мама не возражает против моей актерской карьеры в кино. Так я попал в массовку фильма «Подкидыш», где Раневская произносила: «Муля, не нервируй меня!»

Я, кстати, сказал эту фразу контролеру, когда тот потребовал штраф за безбилетный проезд. А было вот как: ассистент велел мне и еще двум мальчишкам из массовки забраться в вагон и ждать, там сцену должны были снимать. Ассистент пошел за оператором, а поезд двинулся в другом направлении. Тут и случился контролер: первый гонорар в аккурат и пошел на штраф. Должен заметить, что очень было обидно страдать без вины. Но я уже любил кино...

...Потом спектакль кончился, и мы пошли тихими московскими улицами, на которых уже развевались флаги и разноцветные гирлянды — город готовился к Первому.

— Всегда в эти дни вспоминаю первый послевоенный май, — задумчиво сказал Анатолий Дмитриевич. — Порой мне кажется, что я прожил уже несколько жизней. В одной — тот босоногий пацан с Малых Кочек. В другой — война, которая повила почти полностью мое поколение, родившееся в 1922 году. Война, что и меня железом пометила. Именно «сороковые роковые» раз и навсегда определили систему нравственных координат моего поколения; той, военной биографией своей я и сегодня поверяю свои дела, жизнь...

— И успех?

— Как и любой актер, я, естественно, равнодушен к успеху у зрителей, дорожу им. Но в искусстве, может, значительно больше, чем где-либо еще, важна высокая точка отсчета, нечто, что прошло сквозь тебя, твою судьбу. Так вот, с такой высокой точки многое порой видится по-другому и оценивается по иному счету. И успех в том числе. И я спрашиваю себя: а что лично тобой сыгранные семьдесят пять киномудрей дали людям, чем им помогли?

— Среди ваших ролей, Анатолий Дмитриевич, — Серпилин в «Живых и мертвых», Дубинский в «Белорусском вокзале». Побольше бы таких героев, способных взволновать нас своими делами, мыслями, чувствами...

— Вот именно: взволновать, а не повторять который раз с экрана общеизвестное о том, что такое хорошо и что такое плохо. Ведь подлинное искусство — это когда радости и печали художника переходят в новое измерение — измерение искусства; когда в судьбе экранного героя узнают свою судьбу тысячи...

— Скоро на экраны выйдет новый фильм Юлия Райзмана — «Время желаний», где у вас роль, о которой, мне кажется, будет много сказано в прессе...

— Спасибо на добром слове, ибо роль дорога мне во всех отношениях. Кстати, пользуясь случаем, скажу о том, какая это большая радость для актера — сниматься у такого мастера, как Райзман. У него на площадке такая атмосфера, что впольсилы, вполсердца работать невозможно, стыдно. Бесконечно доброжелательный, корректный, обязательный. Как часто этих качеств не хватает куда более молодым и куда менее даровитым режиссерам. Так вот, роли, которые вы назвали, и моя гордость. А остальное? Разве я не играл в драмах, где не страдаю, в комедиях, юмор которых, мягко говоря, смещит далеко не всех?

— Вы как артист Театра сатиры не можете, конечно, обойти молчанием проблему смеха?

— Знаете, что написано у Джонатана Свифта в «Битве книг»? Вот: «Сатира — род зеркала, где каждый, в него глядящий, находит обычно все лица, кроме своего собственного...». Сатира и юмор обязательно питаются жизнью, за ними социально узнаваемый шлейф тянется, какая-то неизжитая глупость, хозяйственный или любой другой промах, над которыми, может быть, горько бы обрыдался, если не выставить их в смешном виде. В этом смысле сатира, юмор — вещи сиюминутные. Если же комедия пытается сместить плохо пережитое, бородачатым анекдотом, если сценарист только и озабочен тем, как рассмешить, — все и выходит натушно, неумно; звучит, как разваленная балаганка. Актер — человек, я бы сказал, повышенной чувствительности, должен ощущать эту фальшь в сценарии, а не уговаривать себя, что в роли есть что-то любопытное, значит, можно попробовать... Не хватает нам, актерам, порой этого мужества с себя самого спросить по всей строгости, а не кивать да пенять на некачественный сценарий. Я,

конечно, говорю сейчас не об одном лишь комедийном жанре.

— Что-то вы, Анатолий Дмитриевич, очень нынче суровы к актерам. А, помнится, вы мне же как-то говорили, что вам иногда кажется, что актеры существуют только для того, чтобы их ругали...

— Неужели так говорил? По-моему, я говорил, что актера все обижает...

— У вас есть факты?

— Сколько угодно! Евгения Весника как-то пригласили на Свердловскую киностудию пробовать на роль. Сценарий ему глянулся, и он поехал. Для проб его выкрасили в белый цвет — не всего, правда, волосы только. Ну, выкрасили, пробы сняли и велели ему ехать обратно и ждать. В родном театре, где у Весника не одна роль, был скандал из-за этой самой седы, как лунь, головы. Весник терпит и молчит: сильно все-таки глянулась роль. Зовут снова на пробу — туда же. Роль меняется. Весника обрезают наголо. Снимают пробу. Провожают и велют ждать. Весник надеется и ждет, хотя головной убор почти не снимает. Потом со студии приходит телеграмма следующего примерно содержания: «Уважаемый Евгений Яковлевич! Сообщаем, что вы на роль не утверждены! Достаточно или еще примеры привести?»

— Анатолий Дмитриевич, актерская жизнь — это ведь, как говорится, «езда в незнаемое»...

— Вы имеете в виду Свердловскую киностудию?

— Я имею в виду понятие «риск», неопределимое, по-моему, от понятия «творческий поиск»...

— Если говорить серьезно, то вы, конечно, правы. Мы уже, говоря о герое на экране, употребляли с вами слова «взволновать», «увлечь». То есть вызвать в зрителе сопереживание. Сопереживание судьбе, ситуации. Вот перед нами, как говорится, белый «лист» экрана, на который через миг лягут первые титры, оживут голоса, и начнется действие, которое очень скоро обнажит простую вещь: верны ли были усилия столько людей, работавших над этим фильмом? Ответ на этот вопрос всегда дает зритель. Именно его мнение в конечном счете определит, состоялся факт искусства или нет, возьмет ли он новую картину в свою жизнь, чтобы вдохновляться высоким примером поступков ее героев, станут ли они добрыми советчиками ему в трудную минуту. А как может родиться сопереживание, если нет в ленте драматического столкновения характеров, когда решаются серьезные, большие проблемы. Настоящие, а не приближенные проблемы. И не к этому ли всех нас, работников искусства, всегда призывает партия — идти в гущу жизни, зная ее глубинные процессы, силой художественных образов помогать народу в жизни и труде. Перечитайте документы последних Пленумов ЦК КПСС, посмотрите, к какому высокому, серьезному уровню отношений с действительностью они призывают!

Конечно, нет никакого риска слагать киносюжеты из готовых «узлов», из всех этих апробированных любовных «треугольников», бытовых дразг малосимпатичных людей, за которыми я должен почему-то следить и верить, что все это и есть современная нравственная тема в ее экранной разработке. Нравственность определяется чувством долга, совестью, позицией. Вот, скажем, посмотрел я недавно фильм «Берегите мужчин!...

— Это, Анатолий Дмитриевич, опять комедия ведь...

— Ну, простите, все-таки в «Сатире» работаю, вот и примеры соответствующие. Вы, конечно, слышали разговоры, которые были особенно в ходу несколько лет назад — о том, что мужчины, мол, стали женственными, и наоборот. Когда говорили о предпосылках этого явления, то все звучало солидно: НТР и прочее. Как только дело доходило до конкретных фактов, то проблема сразу теряла, так сказать, уровень: зубоскалили о мужиках, которые гвоздя забить не могут; восхищались женщинами, которые укладывают ишалы. Мне думается, проблема и тогда не так остро стояла, чтобы о ней стоило заводить газетные дискуссии, как то имело место. Но дискуссии непременно приходят к завершению и тем бесследнее проходят, чем меньше поводов было их затевать. И вдруг, как тень от тени той псевдопроблемы, — фильм, смею думать, никому не нужный, кроме авторов его, да простится мне резкость. Зато и риск здесь — услышать такую вот резкость, не более того; дело-то сделано, фильм на экране и шатко ли, валко, а сборы делает какие-то...

— Все это обретает и иное нравственное измерение, когда думаешь о том, как многосложен процесс создания любого фильма. Ведь в производственном отношении бездарный фильм требует не меньше усилий, чем шедевр...

— Я более чем хорошо понимаю это. Только актер знает, что значит, например, зимой «играть» лето. Было у меня и такое. В Фирсановке под Москвой есть озеро замечательное. Я в него нырял в конце ноября. Как вы понимаете, не в овчинном тулупе нырял. Лед скалывали ломанами, сгребали лопатой. Оператор снимал так, чтобы это крошево не попало в кадр. Потому что по сюжету дело происходило летом, я выходил из воды с букетом лилий. Режиссер кричал: «Текст в себя говорите, чтобы пар из рта не валил». Спасибо, я «моржом» был, кое-какая закладка осталась. А сколько я других примеров знаю, когда съемки шли в тяжелейших условиях, съемки, я бы сказал, испытывали на прочность всю группу, а результат... Знаете, есть восточная притча о человеке, который взял огромную глыбу мрамора и после долгих лет упорной работы выточил обезьянку... С пальчик величиной. Не таких поделок ждет от нас зритель.

— Никогда не могу удержаться от вопроса...

— Над чем работаю? Репетирую в своем театре интереснейшую роль. Спектакль будет называться «Родненькие мои», пьесу, кстати, написал Андрей Смирнов. Совершенно верно: режиссер «Белорусского вокзала». Что в кино? Отверг пять сценариев. Жду. Надеюсь. Верю.

— С праздником вас, Анатолий Дмитриевич!

— И вас. И всех читателей «Советской культуры».

Беседу вел
Ф. АГАМАЛИЕВ.